

**Елена Александровна Усачева
Ярослава Лазарева
Ирина Алексеевна Молчанова
Игры бессмертных (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3957255
Игры бессмертных : повести: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44412-0*

Аннотация

Чего больше в оборотне – зверя или человека? Какова в действительности вечная любовь вампира и может ли легенда превратиться в реальность?

Читай об этом в сборнике завораживающих, мистических рассказов Елены Усачевой, Ярославы Лазаревой и Ирины Молчановой.

Содержание

Елена Усачева	4
Елена Усачева	13
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Усачева, Ирина Молчанова, Ярослава Лазарева Игры бессмертных (сборник)

Елена Усачева Донор

– Иванов, Петров, Сидоров, на выход! – бодро скомандовала Нелли Олеговна и весело блеснула в сторону класса стеклами очков.

Ни Ивановых, ни Петровых, ни Сидоровых у них не было. Только Ивановский, и он единственный, кто болезненно откликнулся на эту речовку, общее значение которой – все собираются и куда-то идут.

– Ну, что опять? – понеслось над партами. – Зачем? Куда? Урок только начался.

– Замолчали, оставили вещи на местах, – не замечая возмущений, перечислила учительница, – и отправились на второй этаж к медицинскому кабинету. Кровь сдавать.

– Вперед! Вперед! – жизнерадостно затрубил Васильев. – Сдаем кровь на нужды отечества!

– Я уколов не боюсь, если надо – уколюсь! – поддакнул Пращицкий, вскакивая. – Можно я в первых рядах пролью кровь! – он шутовски вытянул вперед руку.

– Прекратили разговоры! – утомленно отмахнулась от подопечных физичка. – Ряд у стены, встал и вышел. Пращицкий! Куда побежал? Ты какой ряд?

– Хочу! Хочу быть первым! – развлекался невысокий шумный Пращицкий.

– А нам, вампирам, кровь сдавать нельзя! – насмешливо протянул красавчик класса Игорь Лавренев. – Мы от вида крови теряем волю, ум и честь.

– Ты ее и так потерял, – зло прошептала Ира Синявина с ряда около окна.

Сидящая от него через проход Алиса Ганина склонила голову, завесив лицо длинными черными волосами. Лавренев тут же заметил это движение.

– А больным вообще кровь сдавать нельзя! Освободите Ганину, – заголосил он. – Она всю свою кровь в больнице оставила.

– Игорь, сядь! – рывкнула учительница, взяв в руки журнал и собираясь ударить им по столу. Решительно и громко. Поэтому все притихли, наблюдая, как ряд у стены выбирается со своих мест.

– Что вы сегодня буяните, словно карпузы? – рассердилась Нелли Олеговна. – Быстро сдали, быстро вернулись, быстро продолжили урок!

– А Ганина кровь сдавать не хочет, – мерзким голосом проблеял Лавренев. – Боится. Можно я с ней пойду! Вместе будем бояться.

– Уже не смешно, – покачала головой учительница.

В ответ Игорь хмыкнул, вольготно разваливаясь на стуле – пока все не вернутся, в классе, считай, объявлено свободное время. Он пристально глянул на Алису. Та сидела, меланхолично водя карандашом в тетради. После больницы она была бледна. Запястье на левой руке забинтовано чуть ли не по локоть.

Месяц назад она вскрыла себе вены. Сделала все грамотно – родоков отправила в кино на длинный трехчасовой фильм, налила ванну теплой воды, оставила классическую записку: «В моей смерти прошу никого не винить» – и чирканула по запястью. Нашли, отвезли, откачали.

Услышав эту историю, Игорь только недовольно скривил губы. За несколько дней до того, как Ганина решила совершить свой судьбоносный заплыв, у них состоялся разговор. Все чин чинком – любовь была, любовь ушла. Он не виноват, что Алиска оказалась такой занудной. Ходила по пятам, требовала отчета о каждой проведенной без нее секунде.

Ну да, поначалу все было неплохо. Хотя первого сентября он и предположить не мог, что у них закрутится роман. Кажется, был октябрь. Они играли в волейбол. С Ганиной Игорь оказался в разных командах. В какой-то момент при перемещении по полю оба встали под сеткой. Алиска робко улыбнулась, всего на мгновение повернувшись к Игорю лицом. А потом, пытаясь дотянуться до мяча, они налетели друг на друга, и Лавренев машинально поддержал падающую соперницу. Алиска тут же запыхалась, залилась густейшим румянцем, глаза ее сделались стеклянными.

Игра потекла дальше своим чередом. Команда Игоря стремительно выигрывала, так что второй раз встать рядом с Ганиной под сетку у него не получилось. Она сама подошла к нему сразу после игры. Все побежали в раздевалку, Лавреневу тоже хотелось поскорее стянуть с себя неудобную нейлоновую форму, но его задержали.

– Игорь! – робко позвала Алиса.

Он уже шагнул из зала, оказавшись в широком проеме между двумя дверями. Овернулся. Ганина, не ожидавшая, что он так резко откликнется, налетела на него. И он снова подхватил одноклассницу, чтобы избежать столкновения, спиной проваливаясь в междверный промежуток.

– Спасибо, – все так же неуверенно пробормотала она, но инерция падения уже прижала ее к Игорю. Он почувствовал мягкость ее груди, чуть горьковатый запах пота. Все это вдруг что-то отключило в его голове, и он словно забыл, что перед ним Алиска Ганина, которую он знает одиннадцать лет. Нет, это уже была не она, другая, которую хотелось обнять и, наговорив ворох глупостей, целовать до одурения.

Ладонь сама скользнула ей на талию. Он прижал ее к себе и неловко, сам поражаясь своей наглости, поцеловал в подбородок – промахнулся, оттого что она вдруг подняла голову. Огромные темные глазищи прожгли насквозь, и он зажмурился, поймал ее губы и долго не мог оторваться, будто все тело свело судорогой. А потом, словно опомнившись, шагнул вперед, заставляя Алису пятиться, выбрался из зала и, не оглядываясь, пошел вниз, в подвал, откуда звучали голоса одноклассников.

Теперь он все время встречал удивленный взгляд ее невероятно огромных глаз. В Алиске было что-то восточное – черные волосы, узкое лицо, нос с горбинкой, темные глаза. Ее взгляды сжигали. Так и хотелось прижать ее к себе и высосать все колотящиеся в ней чувства.

Алиска была гордой, но Игорь как-то ухитрился мгновенно сломать все ее заслоны. Он уже пару раз затаскивал ее к себе домой, где сразу же сдергивал легкую кофточку, чтобы коснуться колдовской мягкости ее груди. Она была живой и податливой в его руках, и в какой-то момент он переставал быть Игорем Лавреневым, умным и рассудительным мальчиком, каким все его считали. Было бы время пугаться или удивляться, он бы сделал и то, и другое. Но Игорь искренне наслаждался этими моментами сумасшествия, когда он уже был не он, когда прорывалось изнутри что-то животное. И виной всему была она – Алиса. Где-то в ее теле сидела собранная пружина, и казалось, достаточно добраться до потайного рычага, чтобы два разумных человека исчезли...

Ряд у стены стал возвращаться, демонстративно потряхивая исколотыми пальцами. Кораблев, сделав из куртки перевязь, притворно хромал.

– Тоже мне, бойцы, – покачала головой Нелли Олеговна, стекла ее очков переливались цветами недовольства. – У них пять грамм крови взяли, они уже разохались. Что будете делать в армии, вояки!

– Будем сдавать по десять грамм, – философски изрек Пращицкий. – Ну а теперь нам можно на баррикады?

– Иди уже отсюда! – Физичка ткнула ручкой в сторону двери.

Лавренев сидел, чувствуя, как в душе нарастает раздражение.

По идее, он мог переспать с Алиской. Но какое-то внутреннее чутье подсказывало – не надо. Они оба были неопытны, и взаимная неловкость могла все испортить. И как только он понял, что Алиска не станет его первой женщиной, он стал стремительно охладевать к ней. А она, словно почувствовав неминуемый разрыв, наоборот, стала внимательней к нему, навязчивей. Они еще пару месяцев ходили вместе, сидели на последних рядах в кинотеатрах, забредали в самые глухие уголки парка. Но все это уже было не то.

И тогда случился тот разговор. Алиса болела, и Лавренев принес ей домашнее задание. В свете последних событий само собой подразумевалось, что из всего класса сделать это должен именно он.

Густо населенная вещами квартира Ганиной была пуста. И эта странная гулкость всегда наполненной людьми жилплощади сразу заставила Игоря напрячься. По одному взгляду на бывшую любовь он понял, *что* сейчас произойдет. Она была в коротком домашнем халате и рдела перед теми словами, что должна была произнести. Она хотела, чтобы все случилось сейчас, пока нет родителей. Таким образом решила к себе привязать, глупая!

– Игорь, что-то произошло? – тихо спросила она.

– Произошло, – буркнул он, глядя на чуть расходящийся вырез халатика в области груди. Алиса и правда подготовилась. Кроме халата, на ней не было ничего.

Это еще больше разозлило Лавренева. Он понимал, что хочет увидеть ее полностью обнаженной, но сама эта зависимость заставила его выпрямиться.

– Короче, давай разбегаться, – быстро заговорил он, выкладывая тетрадки на стол. – Скоро год кончится, там экзамены. – Он не смотрел на нее, а когда мельком поднял глаза, испугался. Она стала одного цвета со своими волосами.

– Разлюбил? – Голос, как будто лист фольги разворачивают.

– Ну, чего ты? – тянул Игорь, чувствуя себя глупо – зачем вообще начал говорить? Потянул бы еще немного, а там лето, можно было бы просто исчезнуть, без разговоров. – Полюбил – разлюбил. Все равно в одном классе учимся. Не на век расстаемся.

Она как будто сразу все поняла, мгновенно перескочив утомительную процедуру слез, уговоров, тяжелых вздохов и перегибков.

Он так и не дождался от нее слов. Буркнул только:

– Ну ладно, чего там? Все равно ничего бы не получилось. – И выскользнул из квартиры, на лестничной клетке поняв, что болеть Ганина будет еще несколько дней, а значит, спокойная неделя ему гарантирована. Надо лишь не подходить к телефону. Так он и сделал, вырубив все возможные для себя средства связи, включая аську и скайп.

А через три дня класс грохнул неожиданным известием – Алиса пыталась покончить с собой. Лежит в больнице, с ней работает психолог.

– Не переводи чернила! – Проходя мимо Алисиной парты, Игорь толкнул тетрадку Ганиной. Ее рука дернулась, выведя некрасивый зигзаг. И тут же вспыхнуло! Дурак! Она-то тут при чем? Быстро оглянулся. На лице все та же занавеска из волос. Даже слова ему не сказала, как появилась. В сердцах поддел свесившуюся тетрадку Пращицкого. Она брякнулась на затоптанный линолеум.

Очередь в медкабинет быстро двигалась. Медсестра оказалась неинтересной барышней в очках. Буркнула, не отрываясь от пробирок:

– Садитесь.

И, быстро совершив свою комариную работу, добавила:

– Идите.

Укол был неболезненный, и Игорь тут же о нем забыл. Мимо по коридору прошла Алиса. Головы не повернула. Хочет вызвать в нем чувство вины, чтобы у фразы «никого не виню» появился адрес. Не дождется!

– Давайте, давайте! Лейте кровь на алтарь науки, – прикрикнул Лавренев.

– Вы там сильно не торопитесь, я все выпил! – хохотнул следом Пращицкий.

На них зашикали из-за дверей. Пока одиннадцатый класс резвился, на втором этаже малыши проходил азы школьных премудростей.

Нелли Олеговна не успела вывести на доске название урока, как в класс ворвалась завуч. Именно ворвалась – дверь от толчка шарахнулась о стену.

– Одиннадцатый класс! Вы вообще соображаете, что творите? – грозно начала она с порога, монументальной стокилограммовой массой нависая над учениками.

– Война? Уже? – пискнул Пращицкий, очень натурально изображая испуганного.

– Я тебе сейчас устрою войну! – погрозила в его сторону солидным кулаком завуч. – Быстро признавайтесь, кто это сделал?

Все с готовностью заозирались.

– Я! – медленно поднялся Васильев, пряча лукавую улыбку. Класс облегченно выдохнул. – Но там и было всего ничего, – демонстративно пожал он плечами.

– Чего ничего? – грозно склонилась в его сторону завуч.

– Компота, – простодушно отозвался Васильев, и его конопатое лицо заискрилось. – Всего какой-нибудь литр. Я залпом выпил.

Сообразившие шутку первыми захихикали, так что завучу пришлось перекрикивать голоса.

– Какой компот, Васильев! Я спрашиваю, кто разгромил медкабинет?

– Враги, – не раздумывая, брякнул Пращицкий и уже под нарастающий хохот добавил: – Враги рода человеческого.

– Вам все шутить! – ревела завуч. – А там все пробирки перебиты. Ни одного грамма взятого биоматериала! Кто был у врача последним?

– Медсестра оставалась, вы у нее спросите. – Непрошибаемого Пращицкого даже гнев завуча не гнул к парте. – Может, она оборотень в халате?

– Когда найдем – спросим, – грозно заверила завуч. – Еще раз спрашиваю, кто был в кабинете последним?

Все дружно посмотрели на ряд у окна. Игорь невольно нашел глазами Алису. Она все так же сидела, склонив голову, спрятав за волосами лицо, и что-то чертила в тетради. Девчонки стали гадать, кто же из них был последний. Вышло, что все дружно вошли и дружно вышли, не оставив последнего.

– Кому-то наша кровушка не по нраву пришлась, – голосом ворона-вещуна прокаркал Васильев.

– Да мы все сдали кровь! – Оправдываясь, Пращицкий показал средний палец на левой руке. Вряд ли он вложил в этот жест какой-то другой смысл, кроме желания показать маленький синюшный след от укола. Но движение получилось слишком двусмысленным. Класс за его спиной грохнул. Нелли Олеговна в панике замахала на него рукой.

– Так... – Завуч наградила Пращицкого таким тяжелым взглядом, под которым и броня танка прогнулась бы, но тот лишний раз взмахнул белесыми ресницами и растянул в улыбке потрескавшиеся от весеннего авитаминоза губы. – Дружно встали и пошли в поликлинику сдавать кровь. А я пока вызываю милицию. И если виновный найдется среди вас... – Она еще раз оглядела вытянутые от удивления лица. – Считайте, что заработали свой волчий билет на экзамен.

Ошарашенный, притихший класс стал медленно собираться.

– А чего там было пить-то, – расстроенно жал плечами Пращицкий. – С каждого по пять грамм, тридцать человек. Всего полторашник какой-то. На один глоток...

– Митя, сейчас договоришься, – одернула его Нелли Олеговна, и стекла очков ее теперь уже грустно блеснули. – Иванов, Петров, Сидоров... – Она не договорила.

Игорь сдернул свою сумку со спинки стула, и голова его снова невольно повернулась к Алисе. На тетрадном листке четко и очень красиво крупными буквами было выведено: «В моей смерти...»

Ярость хлопком взорвалась в голове. Если она такая дура, он в этом не виноват. Никто же не знал, что она малахольная. Ей слово, а она сразу в русалки записываться.

– Делать больше нечего? – быстро зашептал он, склоняясь над одноклассницей. Одну руку как бы невзначай положил на ее стул, а другую опустил на тетрадь. Ладонью на страницу. – Опять на тот свет захотела?

– На тот? – Алиса перевела на него свой чистый, ясный, словно промытый перекисью водорода взгляд.

– Несчастную из себя строишь? – шипел Игорь ей в лицо.

Ганина вдруг улыбнулась. Это было неправильно. Она должна убиваться, должна умолять. Но ни в коем случае не должно быть этой улыбки.

– Дура! – выдохнул Лавренев, сминая тетрадный лист. Страница легко оторвалась. И он пошел по проходу, засовывая бумажный комок в карман.

– Узнаю, чьи шутки... – зло бурчал он потом, ожидая вместе со всеми в очереди, – заставлю кровь до конца жизни сдавать.

Девчонки испуганно перешептывались. Васильев в задумчивости гладил живот.

– Неужели я ошибся? – бурчал он себе под нос. – Точно помню, компот был. И по вкусу... Надо же так обознаться.

– У тебя компот, что ли, из клюквы был? – равнодушно тянул Пращицкий. Шутить ему уже надоело.

– Почему из клюквы? – Васильев достойно держал на своем лице удивление. – Из яблок, с черносливом.

– Цвет-то должен был быть красным, если спутал с кровью, – хихикнул Митя, разваливаясь на лавке.

– Действительно, и цвет другой был... – тянул свое на одной ноте Васильев, заставляя сидящих рядом парней сгибаться от смеха в три погибели. – С чего я взял, что кровь?

Игорь затылком чувствовал, что Ганина стоит рядом. Не смотрит. Просто стоит. Отдельно от всех. Вцепившись своим маленьким кулачком в лямку сумки. Голова наклонена, волосы занавешивают лицо.

Черт! Первый день из больницы, а уже сил никаких рядом с ней стоять. И он пошел к толпе девчонок, демонстративно приобнял Катю Сахарову, стал болтать полную ерунду, рассказывать бородастые анекдоты, но девчонки, польщенные вниманием красавца, не прогоняли, хихикая.

Медсестра им теперь досталась обстоятельная, полная пожилая женщина с мягкими руками. Она добродушно пыхтела, принимая в свою ладонь тонкие юношеские пальцы, осторожно колола, с сомнением глядела на выступавшие красные бисеринки, не спеша набирала полную трубочку, волшебным образом заставляя кровавые пунктиры подниматься вверх.

На улицу вывалили все вместе, решили сходить за мороженым, раз выдалась такая вольница. Игорь специально терся среди девчонок, с сочувствием дул на посиневший палец Иры Синявиной – у нее всегда были холодные руки, кровь из пальца почти не шла, и добродушная толстуха вдоволь намяла ее, прежде чем добила хоть какого-то результата.

– Болит, – жаловалась Ира, и Лавренев с удовольствием склонялся к тонкой ледяной руке, пытаясь изобразить из себя мартеновскую печь. Про Алису он вспомнил, только когда

шли обратно. Она шагала в стороне от остальных, четко ставя ногу по краю тротуара, словно акробат на проволоке.

В классе их уже ждал запыленный милиционер, плотный дядька с усами и с черной папкой в руках. Он время от времени почесывал свой невысокий лоб, постоянно приподнимал фуражку, словно решал какую-то непосильную для себя задачу.

– Ну, что у нас тут? – озабоченно поинтересовался он, словно весь урок класс провел не около метро с рядом киосков, торгующих мороженым, а выполнял секретное задание по выслеживанию шпионов. – Кто последний, не помните? – не столько спросил, сколько подтвердил он. – Потом все вернулись в класс. Никто в коридор не отпрашивался?

Его тон был настолько неправдоподобно неделовым, словно милиционер не происшествие распутывал, а рецепт борща уточнял. Даже Пращицкий отказался от комментариев.

Милиционер вяло заполнял протокол. Затрещал мобильный. Нелли Олеговна подняла голову, грозно глянула на подопечных.

– Кто это решил расстаться с телефоном? – Голос ее шел по нарастающей, как эхо обвала в горах.

– Извините, – буркнул милиционер и, тяжело сопя, полез в карман. – Да-да. Слушаю. Где? Через полчаса буду. Да. В школе. Ну, сейчас схожу, выясню. – Страж порядка с каким-то удивлением глянул на гаснущий экран трубки. – Что-то сегодня частят... – проворчал он. – Ну ладно. Если что-то узнаете... – Он протянул бумагу учительнице. – Подпишите, пожалуйста. – И неожиданно с отеческой мягкостью добавил: – Хорошие ребята у вас.

Но стоило за ним закрыться двери, класс взорвался. «Хорошие ребята» отыгрались за пятнадцать минут тишины вовсю. Нелли Олеговна молча смотрела в окно. Можно было даже не пробовать начать новую тему.

К концу дня Лавренева отпустило. Он забыл про Алиску. Насыщенный событиями день стер из памяти все ненужное. И вдруг посреди коридора его настиг голос: «Ты должен извиниться!»

Игорь крутанулся, не понимая, кто ему это мог сказать.

Перемена гомонила, переливалась, разбиваясь о стенки коридора радужными волнами лиц, причесок, кофт, свитеров и курток. Ничей голос особенно не выделялся. Так, стоял общий гул.

Ну вот, теперь ему мерещится всякое начало! Он пробежал по этажу, с грохотом скатился по лестнице. Третий этаж. Звенит звонок. Биология. Направо, темный закуток, дверь.

Он успел заметить. Две темные фигуры. Одна держит другую за опущенную руку. Вторая стоит, безвольно опустив голову. И уже сорвались, и уже стоят около двери. Черные волосы Ганиной отливают плавленным металлом.

– Подойдешь близко ко мне, прибью, – прошептал Игорь в склоненную макушку и, оттолкнув обеих девчонок (второй оказалась Ира Синявина; что они здесь делали вдвоем? Колдовали?), первым шагнул в класс.

Дальше время потекло стремительно. Съездил в бассейн на тренировку, потом курсы – он будет адвокатом, даже тени сомнения не допускает. И только палец, два раза за сегодня уколотый, болел. Может, за бортик в бассейне задел? Или хлорированная вода в бассейне ранку разъела? Долго рассматривал розовую подушечку с ровными линиями морщинок. Две синие точки. Вроде ничего. Но болит. Пытался мять – упирался в кость. Чему там болеть?

– Мать, кто звонил? – крикнул он, переступив порог квартиры. Бросил сумку. Настроение испортилось. Хотя бы эта Алиска еще месяц в больнице пролежала. Все бы забылось.

– Игорек, – выплыла из своей комнаты мать, – я винегрет сделала, проходи на кухню.

– В комнате поем, – буркнул Лавренев, поддевая правой ногой тапочек. Он перевернулся и никак не желал вставать нормально. В результате был заброшен под вешалку.

Есть не хотелось. Игорь поковырял бугорок салата, выкатил на край тарелки горошину. По телевизору показывали ерунду.

Он прошел в комнату. Каким-то эхом в голове отдалось – уроки, написать реферат для курсов, глянуть, что там по истории. Но голова уже наливалась тяжестью лени. Все равно ничего не получится. Только промается лишние пару часов. Как был – в джинсах и рубашке – завалился на диван, не стал его разбирать. Думал, подремлет, потом сядет за уроки.

Из холодного липкого сна его выдернули уже слышанные им днем слова: «Ты должен извиниться!»

Открыл глаза, долгую секунду с непониманием смотрел в темный потолок. Шторы не закрыты, по комнате гуляет желтый отсвет уличных фонарей.

Душно, что ли?

Он выпрямил затекшие ноги, потянулся. Стояло какое-то глухое, беззвучное время ночи, то ли два, то ли три. Он постучал пальцами левой руки по столу, медленно приходя в себя. Напомнила о себе боль в пальце.

Он разобрал диван, покидал на него одеяло, простыню. Какой-то шорох заставил похолодеть затылок. Оглянулся.

«В моей смерти...» – вспомнилась некстати записка.

– Вот черт! – пробормотал в голос, чтобы прогнать странное наваждение. Пошел в ванную. Думал было поваляться в горячей воде, но было лень мыть ванну, ждать, когда она наполнится. Он провел рукой по белому фаянсовому покату боку ванной, встал перед раковиной. Умоется, почистит зубы – и спать. В крайнем случае, можно пару раз пропустить школу, чтобы Ганина не маячила перед глазами. Невелика потеря. Все равно нужные предметы он учит по курсу института.

Поднял глаза к зеркалу. В первую секунду не увидел ничего необычного. Алиска любила вставать у него за спиной, заглядывая через плечо. И сейчас она стояла там, улыбалась странно-застывшей улыбкой, глаза остановившиеся.

«Откуда?» Обернулся. От неожиданности чуть не упал на мокром полу. Капли брызнули на зеркало, и в них отразился красный кафель стен.

Никого, конечно, не было.

– Спать, спать, спать, – под нос пробормотал Игорь, понимая, что накручивает себя. Не такой он ожидал встречи. Обвинений, упреков – да. Тогда бы на его сторону встали все парни, можно было бы еще поиздеваться. А тут – тишина. Словно и не было ничего.

Босыми ногами прошлепал на кухню, выпил воды, вернулся в комнату, забрался в кровать. Опять не к месту в голову полезли мысли, что с Алиской они на этой кровати не раз лежали. И простыня была эта самая. Коричневая. Обнаженная Алиска на ней особенно эффектно смотрелась.

– Ты должен извиниться! – четко прозвучал голос, и Игорь вскочил.

За шторой кто-то был. Он осторожно поднял руку.

Алиса была в той же одежде, что и в школе – черные джинсы, черная кофта, волосы закрывают лицо. Сидит на узеньком подоконнике со стороны улицы. Там и удержаться-то не за что!

– Как ты туда? – Игорь ахнул, делая машинальный шаг вперед. И встретился с ледяным взглядом мертвых глаз.

Отшатнулся, задев ногой стул, неудачно упал на край застеленного дивана.

Ганина не отводила глаз. Все так же смотрела остановившимся взглядом змеи. Рот чуть приоткрыт, словно зубы не помещаются под губами. Желтый свет фонарей гладил ее ровную бледную кожу.

– Ты ведь живая! – вскрикнул Игорь. – Я видел!

– Знаешь, как у Сент-Экзюпери? – шелестел ее голос, но он не был уверен, что губы шевелились. – Ты в ответе за тех...

«...кого приручил!» – машинально закончил он эту уже в зубах навязшую фразу.

– Знаешь... – чуть склонила она голову, словно разглядывала сидящего на диване парня. – А теперь извинись. Я не могла жить без тебя. Ты меня приручил.

– Да пошла ты! – выпалил Игорь, чувствуя ярость бессилия. Он был уверен, что спит, что перед ним разворачивается кошмар – недаром Ганина колдовала в закутке с Синявиной. Это какие-нибудь очередные девичьи шуточки. Духов вызывали, ненормальные.

– Значит, ты готов на жертвы!

Алиса легко спрыгнула с подоконника в комнату.

Как она там держалась? Подоконник узкий, покатый.

Так и не смог понять. – Она шагнула налево. Там гостиная. А еще дальше – комната матери!

Не помня себя, Игорь сорвался с места.

– Стой! – зашипел, замерев на пороге спальни. Только бы мать не проснулась! Ее же кондратий хватит.

Побежал обратно. Алиса снова сидела на подоконнике. Смотрела внимательно, словно первый раз видела.

– Как ты... – надо было молчать, но не удержался, – туда залезла?

Ее верхняя губа дернулась, и внутри у Игоря что-то оборвалось.

Алиса поднялась, качнувшись на неверном уступе.

– Пустишь? – Ее сильно повело в сторону. – А то упаду!

Лавренев бросился к окну, дернул створку. Но перед ним уже никого не было. Только по спине опять пробежали мурашки холода.

– Сначала было больно, а теперь ничего. – Она стояла у кровати, смотрела, склонив голову.

– Что ты с собой сделала? – Игорю было страшно, и этот страх парализовал, выключив способность бежать, сопротивляться.

– Ты сделал. – Голос был без эмоций. Ни обвинения, ни упрека. Просто слова. – Я хотела умереть. Но чтобы и тебе было больно. И так стало. Раньше, – она скользнула ближе, обдав его неприятным холодом и тяжеловатым запахом с примесью чего-то похожего на гарь от свечи, – когда молодые люди бросали девушек и те с горя бросались в реки, то становились русалками. Или ведьмами.

Она улыбнулась. При этом лицо ее странно вытянулось, обнажая выдающуюся вперед сильную челюсть с белоснежными зубами.

– Я думала, что буду приходить к тебе во снах, являться в минуты задумчивости. Все бы так и было. – Она пошла вокруг него, ведя пальцем по плечу, спине, другому плечу, груди и снова плечу. Два круга, а перед глазами уже все плыло. – В больнице не откачали. Слишком много прошло времени. А потом кто-то дал выпить крови. Помню только руку. И мир стал другим.

– Так, значит, сегодня... – Ноги не удержали, и он упал на диван.

– Я искала твою кровь. У нее обворожительный вкус. В поликлинике было то же самое. Я ее отличила сразу. А потом подумала: зачем убивать? – Она склонилась, волосы черным покрывалом свесились перед ним. – Когда можно всегда этим пользоваться.

Средний палец на левой руке стрельнул старой болью, и она потянула его руку к себе, подушечки коснулись ледяные губы. Тут же захотелось взвыть, потому что палец заломило от уходящей из него крови.

Алиса облизала губы.

– Ты же не жалеешь о том, что сделал? – вкрадчиво спросила она. При этом взгляд ее уже не был таким мертвым.

«Да мне с ней вообще не надо было связываться! – глухо колыхнулось раздражение. – О чем тут жалеть?»

– Вот и я не жалею, – улыбнулась Алиса. – До завтра. В школе увидимся.

Она скользнула к окну, и только сейчас Игорь понял, в какую ловушку угодил: если бы он не прервал их отношения, то и тянул на себе вздыхающую Алису до лета. А теперь... Надолго?

– Раз уж ты не захотел просить прощения, – пропела напоследок Ганина, посылая своему кавалеру воздушный поцелуй, – значит, ты в ответе за тех... И теперь уже навсегда!

Отблеск фонарей осветил девушку со спины, сделав вдруг ее одежды призрачно-прозрачными. Он увидел ее обнаженное тело, и ему захотелось вновь коснуться шелковой мягкости груди. Но вампирша засмеялась, исчезая в больном желтом свете фонарей.

В голове у Игоря болезненно запульсировала венка.

«Нав-се-гда!» – пропел мелодичный голос.

Он посмотрел на свой палец. Две синие точки ясно выделялись на побелевшей обескровленной подушечке.

Елена Усачева

Проклятие рода Радзивиллов

Расписание занятий было составлено странно. Каждая неделя имела новую очередность лекций, и вместо того, чтобы записать одну пятидневку, приходилось топтаться около деканата целый час.

Рост Кэт ее в очередной раз подвел. Невысокую девушку постоянно отпихивали от доски с объявлениями. Неожиданно прямо перед ее носом вырастала чья-нибудь спина. Ей приходилось возмущенно вскрикивать, теряя место, откуда списывала. Мысленно проклиная завуча, так нелепо составившего расписание, она принималась изучать столбцы заново, вздыхая в адрес рослых литовских красавцев.

– Ты повторяешься, – услышала она над собой мягкий голос. Ручка еще выводила последнюю строчку, но глазами она уже пробежала по выписанным столбцам с названием предметов, замечая, что два последних дублируют друг друга.

– Нечего совать нос в чужие дела! – фыркнула она, так и не подняв голову. В сердцах перечеркнула все. Первая неделя есть – этого достаточно.

Кэт ожидала, что ей ответят, но вокруг стоял ровный гул голосов, справа смеялись. Она обернулась, ища задавалу. Все старательно писали, и только один как-то странно-равнодушно смотрел на ватманский лист расписания. У парня было красивое широкое лицо, светлые выющиеся волосы, собранные в хвост. Почувствовав к себе интерес, парень обернулся. На Кэт глянули настороженные темные глаза. Вокруг них пролегли «летние» морщинки, какие появляются, когда долгое время находишься на солнце. Парень был явно не домосед: защитного цвета куртка и грубые холщовые штаны, снизу туго затянутые высокими армейскими ботинками, – все это говорило о том, что стоящий перед Кэт человек из рода скитальцев и странников. Те, что не променяют бесконечную дорогу, утреннюю неизвестность и верный походный рюкзак на домашний уют. Такой рюкзак был и у парня. Небольшой, зеленый. Судя по тому, как легко рюкзак был вскинут на плечо, учебниками он был пока не отягощен. Да и вряд ли там удержится больше одной книги.

Парень усмехнулся и пошел прочь. Но одного взгляда сначала недоверчивых, а потом смеющихся глаз Кэт хватило, чтобы хорошее настроение вернулось.

В Вильнюсе она была всего неделю. После суетного тревожного Минска, где постоянно надо было куда-то бежать, преодолевая бесконечное пространство города, небольшая столица Литвы с низкорослым центром и располагающими к степенности старыми улицами поначалу угнетала. Здесь жили на удивление красивые спокойные люди. Они неизменно улыбались на малейшее обращение, легко переходили с одного языка на другой – местные знали английский, литовский, русский, польский, немецкий.

Университет, закрытый от остального города сплошной линией старых зданий, был полон вечного гула переключек и гуляющего эха. У Кэт первые дни кружилась голова. Ее приняли! Она будет учиться в самом престижном университете Европы. И все эти лица вокруг – веселые, беззаботные, – все они станут одной крови: студенческой, бражной и неутомимой. Потом она просто бродила по бесконечным университетским дворам, впитывая в себя голоса, запахи, цвета.

Она вышла на двор Микалоюса Даукши, названный в честь католического каноника, одного из основателей литовской письменности. Старинные трехэтажные здания, тени тех людей, что бродили когда-то по этим дворам, эхо бывших событий – все обещало сюрпризы.

«Что-то будет!» – звенело над головой.

Воздух был прозрачно-чист, словно не находился университет в самом центре Старого города, словно не зажимали его с трех сторон наполненные людьми улицы. Кэт тихо засмеялась, понимая, что опять нафантазировала себе целое приключение. Она встряхнулась, заставляя себя вернуться из прошлого, куда с таким удовольствием убегала – недаром она с отличием окончила школу и поступила именно на исторический факультет, отделение истории культуры, – в настоящее.

Небо было пасмурным, но осенняя прохлада еще не отвоевала себе место у настойчивого летнего тепла. Резкие нотки прохлады тонули в еще августовских запахах. На дворе сентябрь. В подтверждение этого под ногами уже лежали палые листья – коричневые, скукоженные, с острыми кончиками, словно и после смерти они защищались от неведомых врагов.

Кэт удобней перехватила свою сумку, которую любила носить в руках, а не на плече, и сделала шаг в сторону корпуса, где должна была проходить вводная лекция, и вдруг заметила, что идет за светловолосым парнем. Это совпадение показалось ей странным. Легкой, чуть пружинистой походкой, словно он и сейчас шагает не по булыжнику двора, а по мшистым кочкам леса, парень добрался до двери, пропустил выбегающих на улицу девушек и скрылся в темноте подъезда. Вслед за ним в корпус повалил народ, а Кэт все стояла, понимая, что выглядит сейчас как минимум странно. Она улыбалась. И то ли действовал этот пьянящий осенний воздух, полный горьковатых запахов тлеющих листьев, то ли пасмурное небо, напоминающее о скорой зиме, то ли состояние одиночества, с которым Кэт устала бороться, но она еще шире улыбнулась, впуская в себя чувство легкой влюбленности.

Парень ей казался интересным, даже интригующим. Красив, как все литовцы, наверняка нравится девчонкам, и вдруг – такая походная экипировка. От кого он прячется по лесам и полям? От какой тоски бежит из города? Кто заставил его уйти от людей? Не тайная ли страсть? Не отвергнутые ли чувства? Или причина в другом? Может, он просто боится любви? Хотя нет, с любовью он знаком. Стоит заглянуть в его лукавые глаза, чтобы пропасть.

Кэт невольно коснулась своих коротко стриженных волос, и романтическое настроение улетучилось.

Она была невысокой, худенькой, с маленькими ступнями и кистями рук. И словно в противовес своему внешнему виду, про который всегда говорят: «маленькая собачка до старости щенков», «пацаненок», – в школе она упорно носила юбки и платья, отрастила волосы, чтобы никто никогда не принимал ее за парня. Кэт занималась танцами, неплохо играла на гитаре, но все усилия были напрасны. Ее словно не замечали. Парни могли в ее присутствии начать обсуждать девчонок, а у нее принимались выведывать тайны оболыщения. Девчонки использовали ее как шпиона в стане врага. А когда Виктор, внимания которого она долго и настойчиво добивалась, вызвал ее на свидание и стал расспрашивать о долговязой Славке, Кэт не выдержала. Отправилась в первую же парикмахерскую, оттуда в магазин и уже на следующий день пришла такой, какой ее хотели видеть окружающие: в джинсах и футболке, в кроссовках, с ежиком волос на голове. Больше ее не волновали ни перешептывания по классу, ни летающие от парты к парте записочки. С этого момента жизнь побежала на удивление легко и гладко. Она не вглядывалась в зеркало, чтобы отыскать в своем отражении изъян, мешающий парням начать с ней встречаться. Лицо оставалось все таким же – треугольным, с узким подбородком, с широким лбом, прячущимся за неизменной челкой, со смуглой кожей, легко ловящей малейшее солнце, с веснушками на маленьком аккуратном носике.

Сегодня Кэт впервые пожалела, что изменилась. В таком виде она никогда не привлечет внимание парня. Она уже проявила себя нескладехой, а это ничего, кроме насмешки, вызвать не может. Осень сразу погасила свои краски, воздух потерял ароматы и больше не

манил в далекие исторические странствия. День стал обыкновенным, каких впереди еще будет тысячи.

Аудитория ступеньками поднималась вверх. Кэт по привычке устроилась на первом ряду, чтобы ничья голова не загоразживала ей доски.

Высокий подвижный мужчина, профессор Томаш Жицкий, сидел за столом, заполнял бумаги, время от времени поглядывая на собирающихся студентов.

– А знаете, – вдруг без предисловий, не вставая, все еще водя ручкой по бумаге, начал он, – что наш факультет называют кафедрой чародейства и волшебства?

За спиной Кэт загудели, засмеялись.

– Тогда уж лучше Хогвардс, – проявил кто-то свои знания в литературе.

– Английские сказки к нам не имеют отношения! – все еще что-то дописывая, прервал веселые смешки профессор. – Мы будем заниматься древними мифами и легендами, а чтобы проникнуть в их суть, нам придется немного поколдовать.

– На метлах летать будем? – не унимался весельчак.

– Метлами отсюда я буду гнать тех, кто станет пропускать занятия. – Ручка наконец поставила точку и успокоилась. Профессор задерживал взгляд на каждом лице, запоминая новых студентов. – После лекций коллоквиум и сдача зачетов. Раз в неделю будем выбираться на полевую практику.

– Ловить ведьм! – Кто-то явно не понимал, что пора бы уже остановиться.

– Погружаться в Древний мир, – терпеливо объяснял Жицкий, но в конце фразы все же недовольно поджал губы, так что болтуну хорошо было бы уже замолчать. – Попробуем хотя бы мысленно воссоздать жизнь, протекавшую здесь пятьсот, тысячу, а то и две тысячи лет назад. Не получится вжиться в ту эпоху – весь наш курс останется для вас пустой схоластической наукой. Это в понятии современного человека мир существует только для него. Солнце для него встает, реки для него текут, луна только для того придумана, чтобы гнать океанскую волну, на которой так удобно носиться на доске. Древние люди были вписаны в природу, являясь ее частью, а поэтому с магией у них все обстояло гораздо проще.

– Неужели вы верите в водяных и вампиров? – менее жизнерадостно хмыкнул болтун.

Профессор встал, словно вопрос его обидел. Так и виделось, что одним движением руки он сорвет с себя пиджак, расправит крылья и с горестными восклицаниями унесется в окно, своим собственным примером убеждая сомневающегося студента.

– Это не вопрос веры, – глухо произнес Томаш Жицкий, повернувшись лицом к доске. – Это знание. Чем вера отличается от знания?

– Знания доказуемы, а вера имеет эмоционально-гипнотическое обоснование.

Знакомый голос! Кэт поискала говорящего глазами. Светловолосый парень сидел под потолком, забившись в самый угол. Было видно, что он не собирается бежать из аудитории после звонка в числе первых.

Щелкнули, распахиваясь, створки доски.

– Записывайте! – Профессор пропустил реплику светловолосого, и Кэт это слегка задело. Столько потратить времени на пустозвона и ничего не сказать под конец на дельный комментарий. – На доске список необходимых книг. Большинство из них вами должны быть прочитаны. На перемене советую заглянуть во двор Даукантаса. Это был известный литовский историк и писатель-просветитель. В центре двора растет дуб, посаженный в 1979 году. Постойте рядом с ним, может, что-нибудь для себя поймете. На первом этаже восточного корпуса, перед кафедрой классической филологии, есть мозаики литовских языческих богинь и богов. Исполнил их Витолис Трушис. Обратите внимание на Медейну. И Перкунаса. Кстати, Перкунас не только повелитель дождей и гроз, но и покровитель дубов.

– Я во все это не верю! Ни леших, ни оборотней не существует! – Кричавший до этого парень все-таки приподнялся. Невысокий, чернявенький, он нагло улыбался.

– Тогда вам, юноша, надо было идти на математический факультет, а не на историю культуры. Там все более-менее четко. Насколько я понимаю.

– Но то, что все это вымысел, можно доказать!

– Как же вы это сделаете? – Профессор впервые с интересом посмотрел на крикуна.

– Пойду в лес в полнолуние и никого не встречу.

– Или будете искать цветок папоротника и ничего не найдете? – усмехнулся Жицкий. –

Ну что же, – он снова оглядел аудиторию, – кто еще оперирует понятиями «верю» – «не верю»? Кто не представляет рядом с собой существование оборотней?

Кэт показалось, что сейчас профессор рассердится настолько, что прыгнет через стол, ударится о землю, и на ошарашенную аудиторию глянут злые волчьи глаза.

Но ничего этого не произошло. Над головами взметнулись руки, послышалось хихиканье.

– А кто – верит? – Учительский голос не стал ни слабее, ни сильнее. По большому счету ему было плевать на мнения сидевших перед ними детей.

– Я верю!

Таким же тоном было сказано: «Ты повторяешься!» Чуть насмешливым, уверенным.

– Я так понимаю, что вы неплохо изучили историю, пан...

– Николай Радзивилл, – поднялся светловолосый.

– Знатная фамилия, – протянул профессор, с притором глядя наверх. – Вы имеете какое-нибудь отношение к древнему литовскому роду?

– Если считать одну фамилию родством... – ушел от ответа светловолосый.

– Что же, смело, – кивнул Жицкий. – Надеюсь, как-нибудь расскажете нам историю семьи Радзивиллов. Это будет показательный урок всем неверующим. Потому что вы являетесь живым воплощением нашей истории. – Профессор как-то сразу потерял интерес к происходящему. – Переписывайте названия книг и можете быть свободны.

Кэт опустила глаза в тетрадку и тут почувствовала, как волосы у нее на голове зашевелились. На листе было выведено имя «Николай». Однако... с ней такого еще никогда не было. Она даже не помнила, когда успела взять ручку!

Девушка захлопнула тетрадь и поспешила на выход вслед за профессором. Еще не хватало снова встретиться со светловолосым, услышать очередной его комментарий. Оборотни у него существуют! Это надо же такое придумать!

Через двор Даукши она прошла во двор Аркад, а оттуда во двор факультета иностранных языков Даукантаса. Небольшой дуб тянул вверх свои ветви. Нижние сучья были обрезаны, видимо, от слишком ловких студентов, любящих ползать по деревьям. Девушка смотрела на дерево, и ей становилось грустно. Но не той тяжелой давящей грустью, какая бывает в моменты безысходности и утомления. Ее печаль была светла. Что-то покидало ее в это мгновение... Не детство ли?

– Сегодня идем в ботанический сад в Кайренай, – сообщил уже хорошо знакомый голос. – Будем изучать природу в ее натуральном виде. А заодно ловить оборотней. Януш собирает команду. Ты должна к нему присоединиться. Это будет группа неверующих.

– Ты как будто меня преследуешь, – не поворачиваясь, фыркнула Кэт, а сама чуть не задохнулась от радости. Он тоже ее заметил! Он специально подошел!

– Сообщаю для несведущих, – манерно поклонился светловолосый. – Ты убежала, а профессор вернулся, чтобы сделать сообщение.

– Так на кого мы будем охотиться? На тебя?

Лицо парня странно дернулось, словно она сказала какую-то бестактность, а потому поторопилась исправиться:

– Ты у нас единственный верующий.

– Как заметил бы профессор Жицкий – знающий, а не верующий. – И снова эта улыбка. Губами, глазами, всем лицом. – К тому же нас с профессором будет двое. Как знаток истории он не допускает и мысли, что кто-то из его любимых мифических персонажей мог не существовать. Кстати, меня зовут Николай. А ты... – Он глянул на ее сумку, где на боку болталась бирка. – Слуцкая К. Правильно?

– Кэт, – протянула она руку, понимая, что теперь обречена постоянно краснеть.

– Замечательно. – Николай осторожно взял ее маленькую ладонь в свою огромную ручищу. – Откуда ты?

– Из Минска. Наш университет...

Но ее тут же прервали.

– Знаю, ваш университет, наш университет... – Он смотрел на нее, откровенно любясь. – А ты романтичная девушка, раз выбрала историю.

– О роде Радзивиллов я слышала. – Стыд жег щеки. Хотелось провалиться сквозь землю. – В Белоруссии осталось несколько старинных замков, принадлежавших Радзивиллам. Только они сейчас сильно разрушены.

– Не зря хочешь быть историком, – кивнул Николай. – А знаешь ли ты, что Софья Слуцкая была женой Януша Радзивилла, подарила ему Слуцкое и Копыльское княжества? Кстати, причислена к лику святых. Ее прах покоится в Свято-Духовном кафедральном соборе Минска.

– Да. – Чтобы прочистить горло, Кэт пришлось откашляться. – Смешное совпадение.

– Получается, история нас уже связала. Предлагаю не нарушать традиции. Позволь мне отнести твои книжки до дома.

– Я снимаю квартиру на улице Вокечю, – дыхание перехватило, голос от волнения сипел.

– Очень далеко! – расхохотался Николай. – Кстати, там есть бульвар. Еще один повод поговорить об истории!

Из двора они вынырнули на Университетскую улицу, прошли вверх. Оставив слева президентский дворец, повернули на Скапо, чьи глухие невысокие стены были жирно расписаны черно-белым граффити. Кэт смущенно шла, касаясь пальцами шершавой кромки домов, и думала, что если взять Николая за руку, то они растянутся на всю длину переулка – такой он узкий. В Вильнюсе много узких проулков и подворотен. Здесь легко прятаться, да и убежать самое милое дело. Стоит сделать несколько шагов по запутанной веренице улиц, и ты уже в лесу, где твоим помощником станет Медейна. Или Перкунас.

Из-под арки выбрались на Замковую улицу, Пилес. Пошли по ней направо. Николай шагал спокойно и уверенно, словно не он провожал ее до дома, а она покорно брела за ним, куда он скажет. Сила его простых движений волновала. Кэт начала ощущать тревогу.

– А ты из Вильнюса? – Она покосилась на его крепкий, словно чеканный профиль. Наверное, именно такие лица отображались на древних монетах.

– Я здесь какое-то время жил, – ответил он сухо. – Пришлось уехать. А потом...

Пауза была странной, и Кэт поторопилась помочь своему спутнику:

– А потом решил здесь учиться? Где живешь?

Николай посмотрел налево, словно за невысокими трехэтажными, плотно пригнанными друг к другу зданиями пытался рассмотреть невидимую отсюда башню Гедиминаса.

– В университете, – вздохнул он.

Кэт удивилась, но не стала уточнять. Ей казалось, что в университете живут только профессора, но Николая по каким-то причинам могли поселить и там.

Она кивнула, принимая эту информацию к сведению, сделала несколько шагов, но почувствовала, что идет одна, и замерла.

Николай все еще стоял на месте, тяжелым взглядом буравя стены домов напротив. Это были узкие красные кирпичные здания, в которых еще угадывался готический стиль, но время уже стесало с фасадов многие вычурные узоры той эпохи.

– Когда-то эти дома принадлежали капитулу, – глухо произнес он, когда Кэт была вынуждена вернуться. И с усмешкой добавил: – Совету духовников при епископе.

– Ну и что?

Кэт смотрела на тяжеловатые красные фасады и ничего особенного не видела. Ей нравился вычурно-готичный стиль старинных зданий, в первые дни она несколько раз ходила к костелу Святой Анны, маленькой изящной церкви, выполненной в готическом стиле, возносящей свои ажурные башенки высоко в небо.

– Ничего, – пожал плечами Николай и с явным сожалением пошел вниз, прочь от кафедральной площади с ее тяжеловесным кафедральным собором, прочь от Замковой горы, где за кучами деревьев пряталась невысокая башня Верхнего замка, носящая имя Гедимины, основателя города.

День был еще полон утренней неги и нерешимости. Сонные торговцы сувенирами разворачивали лавки. Кэт шла, чувствуя, как в ее радостное, сентябрьское настроение вклиниваются нотки волнения. Николай был все так же спокоен и уверен в себе, он улыбался, когда их глаза встречались. Но под его внимательным взглядом в душе рождалась неловкость. Словно он сравнивал ее с этим старым городом, с его избитыми временем мостовыми, с замками, домами. А может, со своей бывшей девушкой?

– А ты правда из рода Радзивиллов, что владели половиной земель в Литве и Белоруссии? – Кэт хотелось выдернуть спутника из задумчивости.

– А ты правда из рода Слуцких, что добавили нашему могуществу еще пару уездов?

– Что ты! – немного испугалась Кэт. – У меня самая обыкновенная фамилия.

– Вот и у меня обыкновенная фамилия.

Николай изменился, словно легкий осенний ветерок выдул из его упрямой головы все грустные мысли. Он взял Кэт под локоть, увлекая вперед, к Пятницкой церкви, где заканчивалась Замковая улица и начиналась Большая, Диджой, откуда до ее дома было уже рукой подать.

– Мама назвала меня именем Николай, в надежде, что кто-нибудь ошибется и примет меня за наследника великой империи. – Он усмехнулся, возвращая душе Кэт покой. – Николай – родовое имя Радзивиллов. Кстати, ты живешь в интересном месте, – заговорил он, прибавляя шаг.

Они быстро миновали короткую Диджой, оставили слева Ратушу и свернули на улицу Вокечу.

Николай с интересом оглядывался, словно пытался увидеть что-то новое. Небольшой сквер тянулся метров на двести вниз, до улицы Траку, и дальше к реке Нерис. Против ожиданий Кэт Николай не свернул направо к ее дому, а вышел к скверу и остановился около памятника. Это был очередной «шедевр» постмодернизма: высокая фигура девушки, выполненная в стиле кубизма – одна плоскость переходила в другую, подчеркнутая графичность талии и груди, старинное платье с буфами и широкой юбкой, чепец на голове – сплошные бесконечные грани и линии.

Николай встал вплотную к скульптуре, забравшись на поросший травой холмик. Он доходил скульптурной женщине только до пояса, но смотрел на нее властно, словно знал про нее что-то такое, отчего статуя должна покраснеть и слезть с пьедестала.

Вдруг он резко отвернулся, подошел к Кэт, сжал ее руку. Пальцы его показались обжигающе горячими.

– Как ты считаешь, за что можно отдать свою жизнь?

Вопрос ее ошарашил. В ту же секунду солнце пробилося из-за неуверенных облаков и осветило скульптуру.

– За любовь, – пробормотала она, стремительно краснея.

– Это хорошо. – Лицо его озарила светлая улыбка.

Она смотрела на него снизу вверх, и он легко склонился, целуя Кэт в приоткрытые губы. Поцелуй Николая был сильным, решительным. Он жадно ворвался в нее, заставив все тело напрячься, пронесся кровью от головы до живота. Первый испуг был тут же сметен ответным желанием раствориться в этих сильных объятиях.

– До вечера! – Поцелуй прервался так же внезапно, как и начался. – Ботанический сад! Найдешь?

Она кивнула, не в силах поднять голову. И тут же почувствовала, что ей холодно. Николай ушел, забрав с собой солнце, тепло плеч, силу рук. В смятении оглянулась, но на нее никто не смотрел. Люди неспешно брели по бульвару, сидели на лавочке. Железная женщина равнодушно глядела в сторону Музея современного искусства, откуда, видимо, и была принесена сюда.

Кэт подобрала сумку, оставленную Николаем около ее ног, и пошла направо, через узкую мощеную улицу к арке между домами. Она вошла в длинный двор, запруженный машинами. На затоптанной площадке скрипели качели – какой-то парень решил вернуться в детство. Кэт глянула на возвышающиеся над крышами ажурные башенки костела Святого Духа и вдруг поняла, что не может больше бороться с собой. Долго дергала дверь, не попадая кружком кодового ключа по ответному окружью, взбежала на второй этаж, распахнула дверь своей квартиры, не раздеваясь, промчалась через гостиную и упала на кровать. Взлетело и опало встревоженное покрывало, кровать нехотя подстраивалась под цыплячий вес ее тела.

Она сначала долго плакала, потом незаметно уснула. Скрип качелей из распахнутого окна рождал тревогу во сне, она металась. Вскочила рывком. Мгновенно. В голове засело четко сформированное желание – отказаться. Нет, она не хочет этой любви, она не готова отдавать свою жизнь за пугающее ее томление, за непонятный надрыв, зовущий к смерти.

Но уже стоя в коридоре и глядя на себя в большое пыльное зеркало, Кэт не чувствовала этой уверенности. Все должна была решить ближайшая встреча. Если она снова ощутит опасность, скажет, что тот поцелуй был первый и последний.

Последний...

Решение обожгло. Она выбежала на улицу, не глядя, проскочила мимо статуи, но еще долго осуждающий взгляд железной женщины жег спину.

Автобус довез ее до района Кайренай, где под белой аркой со скульптурой плодородия уже толпился народ. Она выхватила пару знакомых лиц. Вокруг утреннего черноволосого говоруна Януша стояло человек пять – он явно претендовал на роль заводилы.

Профессор Томаш Жицкий вышел к студентам из глубины парка. Словно тень из-под деревьев выступил Николай. Профессор в первую очередь глянул на него.

– А! Это вы, – сказал он скучаяще. – Думал, не придете.

– Отчего же? – усмехнулся Николай. – Вызывание духов и охота за оборотнями – это так увлекательно.

– Надеялся поставить вам прочерк, – пробормотал Жицкий, что-то отмечая в своем блокноте.

Увидев Николая все в тех же защитных куртке и штанах, Кэт тут же забыла о своем решении сказать «нет». Она чуть не махнула ему рукой в знак приветствия, до того была рада очередной встрече.

– Что же! – Профессор захлопнул блокнот. – Как верно сказал студент Радзивилл, мы сегодня займемся поиском оборотней. А если по дороге встретим древнего духа, то, надеюсь, вы будете вести себя достойно.

Толпа зашевелилась, радостно захихикав.

– Если никто не против, то советую всем вооружиться палками. Лес не асфальтовая дорожка, рекомендую всем внимательней смотреть под ноги.

Профессор вытащил из-за арки бумажный сверток, развернувшийся к ногам студентов звонкой связкой кольев.

– Пришлось немного подготовиться, – словно оправдываясь, заговорил Жицкий. – Ломать ветки в парке запрещено, а побитые и покореженные студенты мне не нужны. Разбирайте подручные средства и – вперед. Не отставайте. По ходу я буду рассказывать о деревьях и их особенностях в аспекте истории культуры.

Николай незаметно оказался рядом, протянул Кэт палку.

– Странное время для прогулки, – пробормотала она, примеряя для руки слишком длинный посох. – Скоро стемнеет.

– Пан Жицкий любит такие развлечения, – усмехнулся Николай. К вечеру он снова стал лукав и легок, и Кэт подумала, что зря накручивала себя весь день. Просто внезапный сон ролил в ней тревогу. Пустую, ничего не значащую тревогу. – Если по дороге мы потеряем пару студентов, ему же будет потом легче преподавать.

Кэт шагнула вперед, но Николай ее задержал.

– Не торопись. В любой охоте самое удобное место – в хвосте. Всегда знаешь, кто где находится, и никогда не угодишь на роль добычи – есть время по-тихому улизнуть.

– Но мы тогда ничего не узнаем. – Кэт смотрела в веселые глаза спутника и понимала, что ей плевать на неполученные знания. Ей и самой хотелось от всех отстать.

– Я тебе все расскажу, – пробормотал Николай, приобнимая Кэт.

Сердце заполошилось, рождая ощущение, что рядом с ней распахнули жаркую печку.

– Кстати, ты не узнала, кому посвящен памятник напротив твоего дома.

– Разве это возможно? – удивилась Кэт. По ней, так это была обыкновенная абстракция.

Дорожка поначалу была широкой и светлой. Землю в этом месте специально вынимали, чтобы сделать ровный проход. Каменные глыбы громоздились по бокам. Но вот голоса студентов стали глуше – толпа сошла с тропы, углубившись в лес. На первом же шаге Кэт споткнулась, чуть не напоровшись на свою палку.

– Дурацкая штука! – отбросила она в сторону посох. Николай ловко перехватил его, пальцем потрогал заостренный конец, смахнул прилипшую землю.

– Хорошая вещь. В этом походе пригодится!

Кэт поежилась, неуверенно забирая у него палку.

– Так вот о скульптуре! – Николай зашагал вперед. Его светлая куртка в надвигающихся сумерках смотрелась белесым призраком. – Ее поставили в память о Барбаре Радзивилл.

– Родственнице? – хмыкнула Кэт, снова спотыкаясь, но на этот раз правильно перехватывая палку, чтобы не упасть.

– Родственнице, – принял ее игру Николай. – Она родилась в начале шестнадцатого века здесь, в Вильне. Ее братьями были Николай Черный и Николай Рыжий, а отцом – могущественный Юрий Радзивилл. По преданиям, она была необычайно красива. Однажды ее увидел польский принц Сигизмунд Август. Они полюбили друг друга и тайно обвенчались.

– Почему тайно? – Сумерки наступили внезапно. Кэт совсем перестала перед собой что-либо видеть, только светлое пятно куртки служило ей маячком.

– Потому что польский двор не потерпел бы засилья литовского рода. Это смешало бы расстановку политических сил. Мать Сигизмунда, Бона Сфорца, предпочла бы другую невесту. Она уже извела первую жену Сигизмунда, поговаривали, что отравила. Барбара Боне точно не понравилась бы.

– Бона? – в очередной раз споткнулась Кэт. Какое неприятное имя.

– Да, – Николай протянул Кэт руку, и она снова показалась ей горячей. Неужели от всех этих переживаний она заболевает? – Пока молодой муж добивался официального разрешения на брак, Барбара жила вместе с братьями, которые и устроили тайное венчание, и каждый день писала своему возлюбленному письма. Я читал, это были настоящие послания любви. Трогательные и умные.

Кэт уже висела на руке Николая, потому что совершенно ничего не видела вокруг себя. Палка, придерживаемая безвольной рукой, волочилась за ней.

– Пока Сигизмунд писал прошения, в Польше умер его отец, Сигизмунд Старый, и сын занял его место на престоле, заявив, что женат на Барбаре, и теперь уже стал добиваться ее официального признания. Бона Сфорца всячески сопротивлялась этому, но все же Барбара была коронована в Кракове. Говорят, король и королева были невероятно красивой парой.

Ветка хлестнула по куртке, и этот неприятный режущий звук заставил Кэт вздрогнуть.

– Бона пришла на церемонию бракосочетания, но предрекла молодой королеве скорую смерть. А еще прокляла всех детей Радзивиллов, которые родятся от этого брака. Узнав об этом, Барбара впала в тоску и через год умерла. Вроде бы своей смертью она пыталась искупить наложенное на ее род проклятие.

– Искупила?

Они давно остановились. Кэт всматривалась в светлое лицо Николая, словно молила его о благополучном завершении этой истории.

– Долгое время это было неизвестно. По официальной версии, Сигизмунд умер бездетным. На нем прекратилась династия Ягеллонов.

Он глядел мимо нее. Вдалеке послышался дружный вопль, и все стихло. Николай не обратил на это внимания.

– А Радзивиллы? – Кэт снова стало что-то смущать в их разговоре. Шум голосов то нарастал, то стихал, как будто студенты где-то неподалеку решили провести ритуал вызова древних богов.

Николай отошел в сторону, стал в задумчивости гнуть ветку лещины, словно примерялся, сможет ли через нее перепрыгнуть.

– Барбара умерла ради любви к Сигизмунду... – медленно произнес он. – Ей был всего тридцать один год...

– Они умерли, а потому остались счастливы.

С левой стороны нарастал шорох. Кэт стала поворачиваться туда, выставляя палку.

– Никакие жертвы ради любви не напрасны? – настойчиво добивался ответа Николай.

– Но это же легенда! Шекспир тоже любил убивать влюбленных.

Николай шагнул ближе. Даже сквозь куртку она чувствовала, как он пылает.

– Ты способна полюбить? Меня? – тихо спросил он, клонясь все ниже, но при этом не поднимая рук, словно они стали у него тяжелыми.

Она шарахнулась, роняя палку и пряча лицо в ладони.

– Кэтти... ты? – Он не договорил, сделал широкий шаг, подходя вплотную.

Она закивала, чувствуя, что готова вновь расплакаться, как сегодня днем. Но при этом рядом не было спасительной подушки и одеяла, в которое можно было бы закопаться, отгородиться от этого чувства. И она замерла, ожидая своего приговора, потому что ей все еще не верилось, что этот высокий, красивый парень, умеющий рассказывать такие истории, может ей ответить: «Да». Не верилось, что именно сейчас закончится ее бесконечное одиночество.

Вдруг Николай тяжело задышал, и она испуганно подняла голову. Он снова смотрел мимо. Звонящий вечерний воздух, словно выстрелы, прорезали редкие хлопки.

– Трогательно. – Профессор выскользнул из-за кустов. Палку он держал под мышкой. – А что же ты, наследник рода Радзивиллов, не рассказываешь девушке продолжение истории?

Кэт прижалась к Николаю. Учитель шел за ними следом? Он все слышал! Кто же тогда кричал там, в лесу?

– А вот этого лучше не делать! – Жицкий перехватил палку, ткнув острым концом в сторону Николая, показывая, что Кэт должна отойти. – Что же ты молчишь? – крикнул он студенту. – Или продолжение не настолько тебя увлекает? Или, – он сделал выразительную паузу, – боишься напугать девушку?

– Я как-то не сразу догадался, кто ты, – глухо произнес Николай, не отвечая на вопросы.

Он исподлобья смотрел на профессора, в чертах его лица проступило что-то звериное. Кэт терялась в догадках, не зная, куда кидаться, что говорить.

– Тем быстрее наступит развязка. – Профессор оперся о палку. – А вот и окончание этой душещипательной сказки. Проклятье Боны преследовало Сигизмунда. Никакой романтической истории не было. Он умер, кляня свою жену Барбару, сделавшую его несчастным. Он не знал, что сила проклятия уже пала на другой род. Об этом никто не подозревал, пока... Ну что, дальше расскажешь сам?

– Я думал, что избавился от тебя, – быстро заговорил Николай. – Тогда, двести лет назад. Сколько вас всего? Мне казалось, я убил всех преследователей...

– Не о том говоришь! – Профессор яростно стукнул палкой о землю. – Все произошло из-за вас, Радзивиллов, литовских выскочек. Бона не зря заклинала сына против Барбары.

– Я ничего не понимаю, – вскрикнула Кэт, теряясь в чужих именах.

– Во всем виновата любовь! – Николай схватил Кэт за руку. – Помнишь, я спрашивал? Что ради нее можно сделать? Все! Барбара приняла проклятие на свой род, спасая любимого, и оно сработало через пятьдесят лет. Софья Слуцкая... Она была женой Януша Радзивилла. Умерла во время родов. Ждали мальчика. Хотели назвать Николаем, как звали недавно умершего их сына.

Кэт шарахнулась прочь.

– И вот оно – проклятие сбылось, – развел руками профессор. – Сын, обратившись в зверя, убил свою дорогую мамочку. И на этом род Радзивиллов по мужской линии прекратил свое существование!

За спиной у Кэт хрустнула ветка. Она уже знала, что увидит сейчас нечто страшное, а поэтому смотреть нельзя было ни в коем случае.

Ветка лещины еще покачивалась, словно через нее только что переступили. Из-за куста на Кэт смотрели волчьи глаза.

Девушка успела ахнуть и попятиться. Мелькнувшая за ее спиной тень заставила ее, споткнувшись, упасть.

– Конец спектакля! – Профессор удобней перехватил палку. – Бона Сфорца оказалась неплохой ведьмой, а ее сын достойным преемником. Проклятие пало на род Радзивиллов. И перед тобой его яркий представитель. Николай Радзивилл. Ребенок, своим рождением убивший мать, Софью Слуцкую. Он был обречен временем и должен оставаться в своем облике навечно или умереть. Это часть проклятья. И оно должно сбыться. – Жицкий повернулся к обомлевшей Кэт: – Я искал тебя. Каждый год ждал появления. Так говорили звезды. Я знал, появишься ты, найдется и проклятый. Он попытается избавиться от проклятия, и я собираюсь ему в этом помешать. – Профессор горько усмехнулся. – Я говорил, что без чудес не обойдется. Мне показалось, ты внимательно меня слушала, Катерина Слуцкая! Николай должен был среагировать на твое имя. Это же так просто – смешать старинные крови для снятия заклятия!

Волк зарычал и, приседая на передние лапы, пошел вперед. На груди у него была хорошо видна отметина – белый треугольник шерсти, того же цвета, что и куртка Николая.

– Что вы от меня хотите? – крутанулась на месте Кэт, проваливаясь в бездну отчаяния. Неужели все подстроено? Всего лишь имя! Больше от нее ничего не требовалось?

– Николай Радзивилл вот уже четыреста лет ищет способ снять со своего рода проклятие. Он испробовал многое. Теперь в его списке литера «Л» – любовь.

Профессор внимательно следил за движениями мощного зверя. Волк был головастый, с густой, словно обсыпанной снегом, шерстью с проблесками седины. Хвост с метелкой волос нервно вздрагивал, готовя зверя к прыжку. Задние лапы пружинисто напряглись.

– Вилктаки – так в древней Литве звали оборотней. – Жицкий выставил кол вперед. – Только почему-то этот представитель своего проклятого рода решил, что его спасет любовь. Как в свое время Барбара отвела проклятие от мужа, так и твоя любовь, глупая девушка Катя, должна была перевести проклятие на кого-нибудь другого. Но все закончится банально – он просто убьет тебя. Как попытался уже однажды убить меня. Но, как видишь, у него это не получилось. Я жив! – Он победно развел руками, но тут же согнулся, словно его пронзила боль. – Если это можно назвать жизнью, – хрипло договорил он.

Коротко рыкнув, зверь прыгнул. Воздух свистнул, разрезаемый палкой – Жицкий был готов к атаке. Волк по-собачьи взвизгнул, получив сильнейший удар в бок, извернулся, клацнув зубами. Кол хрустнул. Профессор откатился в сторону, оказавшись в двух шагах от Кэт. Девушка подтянула к себе свою палку, выставляя ее в сторону учителя.

– Не подходите, – прошептала одними губами. В голове крутилось: «Несколько столетий! Бона Сфорца... хорошей колдуньей. Я давно за ним охочусь. Он просто убьет тебя...»

– А ну-ка, дай! – прикрикнул Жицкий.

Волк широким полукругом обходил застывших перед ним людей, словно давал им возможность договориться.

– Не подходите! – завизжала Кэт. Она вскочила на ноги, взмахивая колом. Зашуршали кусты, пряча скрывшегося волка.

Профессора вдруг передернуло. Пальцы его скрючило. Он издал горлом сдавленный крик и опрокинулся на спину, стремительно покрываясь шерстью.

Голоса где-то неподалеку вновь взметнулись, и Кэт, оскальзываясь на кочках, помчалась к людям.

Шурх – промелькнуло рядом с ногами быстрое. За ней ломились прямо через кусты.

Уже падая, она поняла, что зря обернулась. Первый огромный зверь встал у нее над головой, а навстречу шагнул другой. Он был меньше и на вид не таким мощным. Белое пятно на его груди ходило ходуном, показывая работу сильных мышц. Темная шерсть лоснилась.

– Мама! – завопила Кэт.

Палка потерялась. Под пальцами была только трава, корни. Забрав в кулак пригоршню земли, она метнула быстро рассыпавшийся комок в прыгнувшего на нее небольшого черного зверя. Он успел цапнуть ее за плечо, прежде чем первый волк сбил его с лету.

Кэт сжимала плечо, чувствуя, как сквозь пальцы что-то сочится. Где же остальные? Она постоянно слышала их голоса где-то неподалеку, словно они хором произносили одно заклинание. За спиной, ломая кусты, дрались два зверя.

«К людям! Скорее! К людям!»

Ботинки, как назло, скользили по влажной листве. Отовсюду она слышала звериный рык. Постоянно казалось, что ее ног касается жесткая шерсть волка.

Но тут резкая боль заставила ее взглянуть на плечо. Там зияла черная рваная рана. Вытекающая кровь, касаясь ее краев, шипела, от этого по всему телу проходил сначала озноб, а потом она начала чувствовать нарастающий жар. Горло сдавило, перебивая дыхание. Боль огнем прошла по телу, мышцы стали конвульсивно дергаться, заставляя ее корчиться на земле.

Зачем она позволила себя увести от остальных! Как он мог так быстро расположить ее к себе?

Последние мысли уже слабым эхом отдались в голове и больше ее не тревожили.

Неожиданно голоса раздались совсем близко. Она пробежала через кусты. Сначала в глаза бросились веселые языки пламени. Фигуры плясали перед ней. Она ни на ком не могла сосредоточиться. Перед ней вдруг все поплыло. Она стала видеть всех почему-то снизу вверх. И только потом до нее долетели вопли.

– Волк! Смотрите!

– Ай!

– Прочь!

Люди перед ней метнулись в разные стороны. Кто-то пробежал через костер, разбрасывая огненные искры.

– Волки! – орали отовсюду. Кэт вдруг захотелось заткнуть эти голоса, разорвать кричащие глотки, чтобы прекратить этот шум.

Новый приступ боли выстрелил по всему телу, вонзившись в мозг. Кэт изогнулась, внезапно увидев прямо над поляной еще не до-зревшую кособокую луну. Это было странно уже потому, что весь день пасмурное небо норовило разразиться дождем, и вдруг – такая чистая, ясная луна!

Разбросанный костер стал подбирать сухие веточки вокруг. Утоптанная земля пахла множеством человеческих запахов. Так хотелось бежать за ними, все сильнее и сильнее проникаясь грядущей охотой. От распирающего грудь желания Кэт задрала голову вверх, почувствовала, как уперлась в шерстяной загривок, и коротко завывала на этот желтый, волнующий ее блин.

Волчий вой заставил убегающих студентов поторопиться.

Кэт пришла в себя оттого, что ей стало холодно.

Сентябрьская ночь вяло перетекала в ранний рассвет. Погасший костер был подернут росяной дымкой. Испуганная пичуга чиркнула, помчалась прочь, задевая крыльями ветки деревьев.

Лежать было и удобно, и неудобно. Что-то жесткое давило в бок и сжимало руку. Девушка приподнялась. С плеча соскользнула куртка.

Ночные события ярко встали перед ней, и она в панике вскочила.

Волки. Боль. Луна...

Она была на поляне. Той самой, где вчера собирались студенты. У ее ног лежала знакомая светлая куртка. А плечо до локтя было обмотано тряпкой. Кэт в панике стала отряхивать себя, словно вчерашний ужас с обращением в волка можно было смахнуть ладонью. Лес настороженно смотрел на ее кружение по поляне. Под ногу попала куртка, служившая ей этой ночью одеялом.

– Ай!

Деревья эхом вернули ей крик, и Кэт бросилась бежать. Пичуга юркнула в кусты и затаилась. Несколько минут лес был тих, а потом на поляну вышел Николай, босыми ногами он бесшумно ступал по опавшей листве. Проклятый из рода Радзивиллов поднял брошенную куртку и долго держал ее у лица, вдыхая быстро ускользящий запах человека, который провел под этой курткой ночь.

После всего пережитого в парке странно было видеть лица людей. Они толпились на остановке, ожидая автобуса, хмурые, сонные. Из-за спин взрослых вперед пробивались дети, носились около застывших фигур, взвизгивали. На вздрагивающую Кэт с перебинтованной рукой поглядывали с неудовольствием. В грязной рубашке, без куртки...

Кэт сжала губы и пошла пешком. Вильнюс – город небольшой, здесь куда угодно можно добраться своими ногами. Про забытую в парке сумку вспомнилось с ленивым безразличием. Ключи от квартиры лежали в кармане джинсов, остальное было неважно.

Дома она надолго застыла перед зеркалом в прихожей. Все, как прежде, – лицо, волосы, руки, ноги. Человек. Но отчего же ей кажется, что в какой-то момент она была волком? И неужели это может повториться вновь?

Ее качало из стороны в сторону, хотелось закрыть глаза и упасть. Но стоило ей смежить веки, как вспоминался лес, под мягкими лапами шуршала листва. По телу пробежали мурашки ночной боли.

Не может быть!

Кэт вбежала в ванную, захлопнула за собой дверь, закрыла замок. Зачем-то погладила его, словно накладывала дополнительное защитное заклинание. Но ведь в квартире она была одна!

Сорвала с руки повязку. Это была светлая тряпка. Секунду держала в кулаке, но вдруг, вскрикнув, бросила под раковину. На руке когда-то была рваная рана, словно провели несколькими когтями разом. Или зубами. Неровные края еще бугрились, но рана зажила, оставив после себя некрасивый след. Давно зажила.

Кэт провела пальцами по зарубцевавшейся коже. Опять вспомнилась боль, изнутри рвавшая ее тело...

Кинулась в комнату, стала перебирать книги, стопками лежавшие на журнальном столике, на подоконнике, на полу.

Как же там было?

«Мифологическая энциклопедия» оказалась тяжелой и неповоротливой, тонкие страницы соскальзывали с пальцев.

... Оборотни, они же ликантропы, принимающие волчий облик, они же волколаки (в славянской мифологии), они же вилктаки (в литовской мифологии), они же вервольфы (в немецкой и англосаксонской). Кицунэ, тануки, аниото, ругару...

Книга свалилась с колен.

...Бывают врожденными или обратимыми. Врожденные подвержены родовому проклятию, обратимые – ставшие оборотнями в силу обстоятельств, чаще всего после укуса оборотня...

Укуса оборотня! Рука запульсировала не существующей уже болью.

...Врожденные могут контролировать свои превращения в волков, обращенные становятся зверями и живут в таком облики всю жизнь, пока...

Пока...

Пока укусивший их оборотень не умрет.

Кэт бросилась в спальню, стала срывать с вешалки рубашки и брюки. Пальцы почувствовали мягкий шелк единственного платья. Короткое, зато с длинным рукавом. Про сумку даже не вспомнила. Надела кеды и выскочила на улицу.

Старые дома противоположной стороны улицы Вокечю с усмешкой глянули на нее.

Неправда! Все будет по-другому!

Она пробежала вверх, повернула в сторону Замковой улицы. Камень тротуара болью отдавался в пятках, эхо гуляло в узких проулках. Купола Пятницкой церкви ослепили. Дальше Кэт бежала, не отрывая глаз от бросающейся под ноги дороги.

Университетская улица. Вход в запутанные лабиринты университетских дворов. Двор Аркад. Двор Даукантаса. Двор Мицкевича. А вот и их двор Даукши.

– Не торопись! – попытался кто-то перехватить ее за руку. – Занятий не будет!

По инерции она еще сделала вперед несколько шагов, оглянулась.

– Профессор заболел!

Она поискала глазами того, кто это сказал. В узком прямоугольнике двора, словно издеваясь над ней, все носилось:

«Заболел!» – от окон.

«Заболел!» – от дверей.

«Заболел!» – от камня мостовой.

– Мы в парке волка видели. С утра туда отправили егерей. Парк оцепили, никого не пускают.

– Профессор все время с нами был, все про ясень толковал. Кипплинга зачем-то вспоминал. А потом... помнишь, он внезапно появился? На нем еще костюм как будто помят был. Стал кричать, чтобы мы не вздумали расходиться да не выпускали из рук палки. Чтобы в случае опасности... Вот вам и мифология...

– Конечно, оборотень! Кому еще здесь быть?

Кэт прошла сквозь топчущихся на крыльце первокурсников, узкой лестницей поднялась на второй этаж.

Надо все рассказать. Узнать, что с профессором. Но если... Если она стоит здесь, значит, яд от укуса уже не действует, значит, профессор... мертв.

Дышать стало тяжело. Кэт прислонилась к перилам, ладони неприятно вспотели.

«Ты способна полюбить? Меня?» – прозвучал в ушах знакомый голос.

«Как ты считаешь, за что можно отдать свою жизнь?» – «За любовь!»

«Только почему-то этот представитель своего проклятого рода решил, что его спасет любовь, – зазвучал в ее голове другой голос. – Как в свое время Барбара отвела проклятие от мужа, так и твоя любовь, глупая девушка Катя, должна была перевести проклятие на кого-нибудь другого».

Кэт оглянулась. Почему проклятие должно на кого-то падать? Четыреста лет! Его можно просто уничтожить. А если профессора больше нет, то и помешать этому никто не сможет. Но почему именно он? Почему именно она?

– Тебе чего?

Она пришла в себя. Стоит на пороге деканата, вцепилась в ручку двери, как в спасительную соломинку. На нее смотрит секретарша, тучная женщина с вечно недовольным лицом.

– Первый курс? – утомленно заговорила секретарша. – Изменение расписания на доске.

– Где здесь можно войти в Интернет?

– В библиотеке!

Казалось, дверь сама захлопнулась перед носом Кэт.

Нет, не будет она никому ничего говорить. Николай просил у нее помощи! И она должна помочь. Вчерашние события подстроил профессор! Он заманил Николая в ловушку. Наверняка его стараниями и она оказалась студенткой университета. Как страшно это все осознавать.

Библиотека была еще пустой и гулкой. Монитор нехотя помигивал, выдавая таблицы загрузочных программ.

Все, что ей вчера рассказал Николай, подтвердилось. И про памятник, и про родовое проклятие, и про гибель Барбары, скорее всего отравленной Боной, и про смерть Софьи.

Кэт медленно поднялась. А ведь она так и не сказала «Да». Хотела, но не успела. А если он погиб?

Кэт бросила взгляд на настенный календарь. Полнолуние должно было быть завтра. Но и сегодня, если ночь окажется ясной, луна будет хорошо видна.

– Мне нужен раздел мифологии, – подошла Кэт к молоденькой библиотекарьше.

Через полчаса она выходила из университета со стопкой книжек. Оставшееся до вечера время просидела около памятника на бульваре Вокечю. Пышная, словно развевающаяся на ветру юбка, узкие рукава с буфами на плечах, из-под чепца выбиваются волосы. Многие годы Барбара вынуждена была прожить вдали от любимого. Расстояние не убило любовь, оно только еще сильнее привязало их друг к другу. И именно эта любовь спасла... История может

повториться. Софья Слуцкая наверняка знала, отчего умерла Барбара, и она тоже пыталась спасти свой род. Отчего бы ей, Катерине Слуцкой, не завершить начатое дело?

Не заходя домой, Кэт отправилась на автобус.

Парк был полон людей. Белая арка входа в Ботанический сад перегорожена железным заборчиком. Кэт пришлось долго идти по дороге вдоль леса, пока человеческие голоса не остались далеко позади. Никакого оцепления здесь не было. Деревья у нее над головой тревожно затихли, ожидая ночи. Книжки оттягивали руки.

Дошла до первой же поляны. Прислушалась.

– Николай Радзивилл, – первый раз робко позвала она.

Ей показалось, что где-то шоркнули кусты от быстрого движения.

Конечно, она могла ошибиться, и профессор действительно всего лишь ранен. Тогда он должен прийти сюда, чтобы завершить недоделанное – убить ее. Но куртка! Вряд ли она сама накрылась курткой Николая. Значит, он где-то здесь.

– Николай Радзивилл! – снова позвала она. Голос окреп. Она переступила с ноги на ногу, коснулась короткого ежика волос. – Я пришла, чтобы сказать...

Показалось, что слышит голоса, поэтому запнулась. Пока оглядывалась, совсем забыла, где она и что. И вдруг прямо на нее глянули темные звериные глаза. От неожиданности попятилась. Книжки посыпались на землю, одна больно ударила по голой ноге.

– Я тут кое-что прочитала! – сбивчиво забормотала она. – Тебе можно помочь!

Волк мигнул и отвернулся.

– Подожди! – пошла следом Кэт. – Я не сказала – спасибо!

Оборотень демонстративно шваркнул хвостом по стволу дерева, скрываясь в лесу.

Кэт в отчаянии сжала кулачки.

– Я люблю тебя! – крикнула она, вытянувшись в ту сторону, куда ушел зверь.

Лес прошелестел листьями мимолетного ветерка и смолк.

«Ну и пожалуйста!» – Теперь Кэт злилась сама на себя. Сколько раз давала себе зарок не вылезать вперед со своей любовью. Теперь этот волк сидит где-нибудь под кустом бузины и смеется.

Она в сердцах пнула книжку и прямо в платье села на землю.

– Извини, ты что-то сказала? Я не расслышал.

Маленькой расправленной пружиной она вскочила на ноги.

Лицо оцарапано, светлые волосы разметались по плечам, куртку держит в руке, штанина порвана. Тряпичная повязка на ее руке... Так вот откуда ткань.

– Ты вчера забыла. – Николай положил к ее ногам черную сумку. – А я слышу, кто-то меня зовет. Подумал: кому бы это быть? Вроде бы для смерти еще рано.

Они стояли друг напротив друга, и она чувствовала, как ее качает из-за того, что сильно колотится сердце. И этот шаг она сделала только потому, что ее что-то толкнуло вперед. Нет, она не собиралась ничего повторять, просто каким-то непонятным ей образом оказалась в горячих объятиях. И он снова целовал. Целовал жарко.

– Я помогу тебе, – бормотала несурезное.

– Не надо, – смеялся он.

– Но я люблю тебя.

От этих слов ей становилось еще жарче. А Николай вдруг расхохотался, уткнувшись в ее волосы. Рассмеялся тяжело, словно смех с кусками плоти выходил у него из груди.

– Значит, все закончилось? – прошептала Кэт, не понимая, что с ним происходит.

– Все только начинается, – выдохнул он, снова жадно прижимая ее к себе. – Не боишься стать еще одной страничкой в легенде нашего рода, Катерина Слуцкая?

– Когда завершается одна легенда, начинается другая. – Говорилась глупость, неуместное, но других слов сейчас не было. – Я теперь тоже оборотень?

Кэт привстала на цыпочки, чтобы снова поцеловать его. Но он легко подхватил любимую под локти, поднимая до уровня своих глаз.

– Будем надеяться, что мы оба люди. Я не знал, что Жицкий один из моих преследователей. Их много, следят, чтобы я не нарушил проклятие Сфорцы. Тогда мировое зло покачнется... – Усмехнулся. Так тепло, так по-доброму. – Падет перед твоими прекрасными очами. Они думают, быть оборотнем легко, и сами суются под мои зубы. Не зная того, что лучше человека природа не придумала ничего.

От волнения Кэт бестолково гладила его по плечу, боясь поднять глаза. Так хотелось для него что-то сделать. Что-то очень нужное. Что такое ее любовь? Этого мало. Надо спасти, заслонить собой от горя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.